

Нина Дьяченко

Добавка

Лиза Котт вышла из бара "Тукис бар". Ветер ударил по лицу, словно хлесткая пощечина её бывшего мужа. Ледяной ветер, предвестник зимы. Цвет деревьев потерял былую янтарную пронзительность, и казался давно покрытым пеплом отголоском былого пожара.

Высокая, с модельной фигурой, молодая женщина в длинном чёрном пальто, с оранжевым шарфом, небрежно повязанным на шее и без перчаток, закурила, глядя на свой джип.

Дым показался ей отравой, особенно когда с ним конкурировал пронзительный запах прелой листвы.

Женщина с длинными, цвета осени, волосами, отбросила недокуренную сигарету и уселась за руль. Дорога казалась покрытой слезами или потом. Лёгкая тень будущих заморозков лежала на листьях по обе стороны от пустынной дороги.

«Чёрт, да тут даже машин никаких нет!» - с тоской и отчаяньем подумала она.

Хотелось плакать.

«И когда я превратилась в гнусную, слабую истеричку?»

Она нервно глянула в окошко заднего вида. От одиночества и пустоты, царившей вокруг, вспоминались многочисленные фильмы ужасов. Например, недавно просмотренный ею «Попутчик».

«Не стоило мне сразу после развода браться за новое задание», - мысль вызвала усталость, словно много раз подряд прослушанная песня. Заболела голова. Отняв одну руку от руля, она потёрла виски.

Журналистка обнаружила, что едет очень медленно – и прибавила ходу. Одна мысль о том, что она чуть не остановилась, вызвала почему-то вспышку панического страха.

Она припомнила недоброе слово 100 грамм виски в недавно посещённом ею баре. И бар был каким-то унылым, как старая картинка в заброшенном на антресоли глянцевом журнале. Старик, держащий бар, поглядывающий на неё как-

то странно. Настороженно. Кажется, он даже хотел заговорить с ней, но она так злобно на него глянула, что, вздохнув, он принялся протирать бокалы у стойки.

Лиза Котт не любила бессмысленные разговоры. Интервью всегда предназначались для её газеты «Необычное и магическое». Каждое слово – пару центов на её счёт. Конечно, редакция и корректура сокращала её пространственные записи. Несколько часов беседы – хриплый голос, перекинутый с диктофона на компьютер, - превращались в небольшую статью. Правда, внизу красовалось её имя – очень, очень мелким шрифтом.

Лиза чувствовала, что настроение, и так прескверное и какое-то полусонное – словно она ночи три подряд так и не смогла уснуть, - падает к минусовой отметке.

Она ненавидела свой страх. Ведь она кто? Журналистка мистической газетёнки, публикующей всякую готическую чушь. И ей не пристало бояться. А она боялась. Точнее, страх проникал в неё, словно воздух в лёгкие – неотвратно и постепенно, заполняя её.

Появился какой-то зловещий, с одной стороны почему-то обгоревший, указатель «Добро пожаловать в «Салемс-Лот».

Указатель, в лучших традициях мрачного жанра, покачивался и скрипел на ветру.

«Этот город сгорал. Дважды. И больше не возродился. Но что-то там всё-таки есть...» - вспомнила она беседу с женщиной, которую встретила в дорожном магазинчике 20 километров назад.

Лиза словила себя на том, что снова снизила скорость, будто хотела всё рассмотреть подробнее.

Дорога. Она была ужасной, но проехать всё-таки можно было.

И ещё машины. Их было много. Некоторые – новенькие, с иголочки, будто только что купленные. Большинство – старые, покрытые грязью. Некоторые так вообще дряхлые. И все – пустые.

Брошенные машины посреди города. Точнее, остатки былого великолепия.

Дома. Большинство их сгорело дотла. Некоторые стояли, наполовину обглоданные пламенем. К нему тянулись нелепые каменные остовы, словно памятники каким-то демонам.

Длинное одноэтажное здание. Чёрные провалы окон. Без крыши и дверей.

«Наверное, это была школа», - решила про себя Лиза. «И зачем начальство послало меня в этот городок? Они утверждали, что тут есть живые люди... Но меня как-то не тянет искать их среди этого сожженного хлама. Да и какие люди тут могут жить? Разве что бомжи...»

Неожиданно, словно ответ на её вопрос, она увидела на искривлённых металлических качелях какую-то маленькую девочку в жёлтом платье, слишком тонком для конца октября. Её чёрные волосы взметнулись ввысь, когда качели в очередной раз дрогнули – и ушли в небо.

Странно и дико выглядела живая девочка на фоне давно умершего, сгоревшего здания.

«Наверное, это и есть одна из последних жителей этого городка-призрака», - мелькнуло в голове Лизы. Головная боль отчего-то усилилась. «Надо бы остановиться и поговорить с ней».

Но руки почему-то не слушались. Наоборот – увидев, как девочка затормозила маленькими ножками и повернулась к ней, Лиза отчаянно нажала на газ. Машина совершила резкий рывок вперёд.

Журналистка ощутила, как холодный пот покрыл тело. Страх железной хваткой сжал сердце. Уже почти не осознавая себя, она увеличила скорость, борясь с желанием повернуть и уехать обратно. Но сама мысль, что снова придётся проехать мимо этой девочки, вызывала дрожь.

... В глубине города целых домов становилось всё больше. Магазины, стоявшие почти вплотную к дороге, словно подкрадывающиеся к ней, палились разбитыми стеклами.

Ей становилось всё более не по себе. К тому же городок начала покрывать тьма, поглощая остатки серого дневного света.

Лиза вдруг вспомнила своё последнее интервью. Со странным мужчиной, который «толкал» ей какую-то теорию насчёт домашних любимцев. Что будто бы из-за того, что его жена – Красотка-Лулу - возненавидела его кошку, а он – её собаку, - они расстались. А потом жена погибла. Её убил Маньяк-с-топором. Которого, правда, так и не нашли. Как и

предполагаемую шестую жертву – жену несчастного, обрюзгшего, выглядевшего очень пьяным мужчины.

Теории... самые скользкие и неприятные. Их не ухватишь рукой, чтобы удостовериться в их реальности.

Существует ли Маньяк-С-топором?

Безусловно.

Убил ли он Красотку-Лулу?

Кто знает...

Существуют ли в Джерусалемс-Лоте нечто ужасное?

Лиза не знала. Но ей не хотелось проверять на собственном опыте.

... Она едва успела затормозить и лихо объехать поваленный ствол громадного дуба, перекрестивший прямую линию дороги.

Ей почудилось, что возле упавшего дерева стояла та сама черноволосая девочка.

И ждала, когда она разобьется. Или когда машина заглохнет, сломается – и оставит её одну в этом жутком мёртвом городишке.

Или... не одну?

... Лиза сама не помнила, как выехала наконец-то из города. Другой указатель, где название городка было зачёркнуто двумя красными линиями, подбодрил её. Но она не снизила скорость, пока не оказалась возле какой-то гостиницы. Тут были люди – достаточно людей, чтобы не бояться.

Расплатившись с милой старушкой, Лиза Котт вошла в небольшой, уютный номер.

На стене номера висело распятое. На овальном столике возле окна – несколько иконок. В углу, как в деревенской российской избе прошлого – сияла лампадка, источая уже почти забытый аромат Церкви. Ладан – и красноватый отблеск лампы.

Несмотря на то, что обычно она скептически относилась ко всем христианским символам, женщина внезапно ощутила себя защищённой. Она поставила сумку на пол и поняла, что жизнь подарила ей второй шанс. Это ощущение оказалось таким же сильным и тёрпким, как аромат прелых листьев.

«Завтра напишу заявление об уходе», - улыбалась она,
засыпая и кутаясь в одеяло.

Она засыпала – Салемс-лот только пробуждался. Но он был
далеко...

КОНЕЦ